

Россия - 2003 - 28 февр. - с. 14

Ярость под контролем, или Лидер «Воскресения» оборвал все «Ландыши»

Матвей Масальев

Древняя, обросшая мифами и легендами группа «Воскресение» выпускает в начале марта новый альбом. Название его – «Не торопясь...» – попало в самую точку. Это всего лишь третья полноценная пластинка коллектива, который существует уже больше двадцати лет. С легкого недоумения по этому поводу начался разговор с лидером группы Алексеем Романовым.

– Редкий случай – полноценный альбом группы «Воскресение». Почему так происходит?

– Почему так происходит, для меня самого загадка. Каждый новый альбом – это какие-то перемены в моей жизни. Никогда не стояла цель записывать каждый год по пластинке. Как-то в голову не приходило превращаться в фабрику.

– Что услышит человек, не так давно купивший переиздание записи «Воскресения» 1979 года, приобретая ваш новый альбом?

– Да мне самому интересно. Я продолжаю примерно раз в неделю появляться на студии по всяким техническим делам, и мне приходится раз за разом прослушивать материал. Для меня постоянно меняется картина. Иногда кажется, что это гранж, а иногда – что это кантри-музыка. Хотя по настроению, по-моему, как раз на запись 1979 года похоже. Очень много солнечных моментов.

Психика грубеет вместе с кожей

– Ваши тексты периодически меняются – от лиричных стихов до

циничных... Это с чем связано?

– Я шупаю границу все время. Чтобы определить середину, нужно знать оба края. Равновесие для меня важно.

– А между тем большое количество коллективов, особенно если брать западную рок-музыку, посвящают себя поиску каких-то крайностей.

– Не знаю, о чем вы говорите...

– «Крайность» здесь синоним слова «эксперимент».

– Ну, наверное, наверное. Один почтенный человек сказал по поводу моих экспериментов с абсурдом: «Однажды ты решишь поставить темные силы на службу себе, и сам не заметишь, как окажешься на службе у них». Вот это что касается перехода границ.

– А «сопливые» вещи – это хорошо, плохо? Или это тоже вопрос о границах?

– Конечно, о границах... Я еще в детском саду страдал от некоторых мотивчиков. Во всех местах скопления народа были развешены громкоговорители. На каждом столбе играла бодрая маршевая музыка, иногда новости, иногда радиопостановки, и общий фон такой

благостный. Моя психика этого не выдерживает. «Ландыши» спокойно слушать я научился только лет, наверное, в тридцать, а то и постарше.

– Что повлияло?

– Кожа стала грубее.

Не стреляйте в звукорежиссера

– Если на одной сцене с отечественными исполнителями выступают иностранные, возникает просто дикий контраст. Наши кажутся совершенно непрофессиональными по всем направлениям: звук, напор...

– Может быть, в первую очередь дело в том, что стоят два комплекта аппаратуры? И аппарат, на котором наши ребята играют, просто невозможно настроить лучше. Во-вторых, западные рок-группы проходят очень хорошую и весьма жесткую гастрольную школу. На уровне первого контракта они колесят полтора года по Америке на автобусе, продают пластинку, зарабатывают буквально гроши – \$30–70 тысяч за год. Для Америки это очень мало, в университет не поступишь за такие деньги.

Это и у нас-то немного... Однако в отличие от наших западная рок-группа работает с квалифицированными специалистами – звукорежиссерами и бригадой техников. Это не их соседи, бывшие школьные дружки, – это люди, работающие со всеми: с Motley Crew, с Эриком Клэптоном, с ABBA... Они умеют настроить аппарат для любого зала. У нас и в Москве есть подобные бригады...

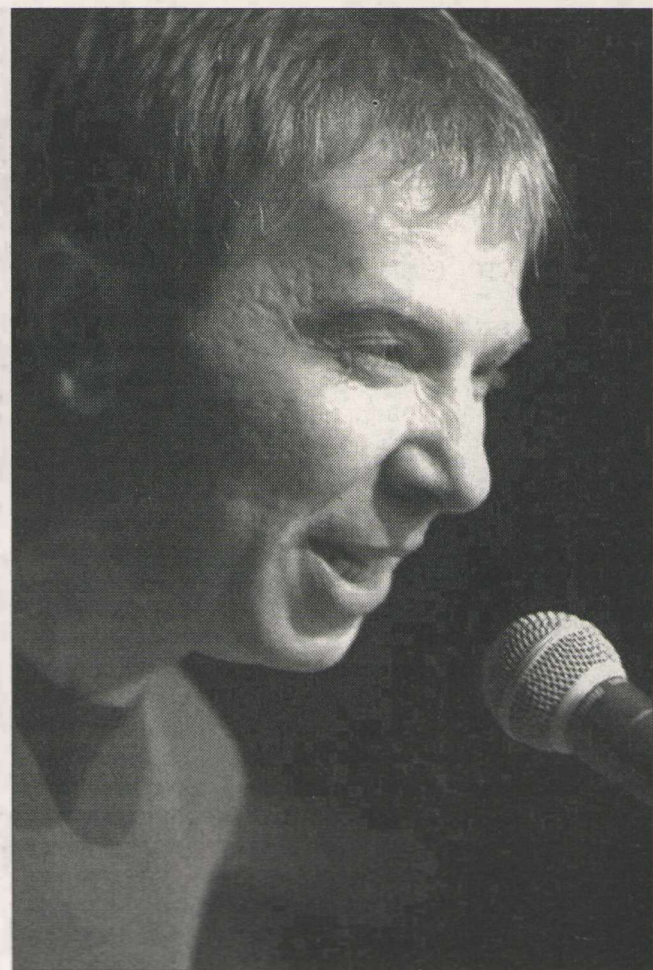
– Однако, например, когда Игги Поп приезжал в Москву, то его техники и звукорежиссеры чуть не полчаса орали на наших благим матом, чтобы нормально «отстроиться». Может, наших специалистов все-таки не хватает?

– Не хватает частенько. Я наблюдал в Нью-Йорке и в Лондоне, как работают менеджеры, звукорежиссеры, рабочие-техники на сцене... Это совершенно другой класс, совершенно другой темп.

Честность – дело техники

– Не надоело шлягеры играть?

– Надоело уже давно. Однако я должен, бук-

важно должен это делать. Люди ждут. А чтобы им было интересно, мне тоже должно быть интересно, и я всегда что-нибудь новенькое себе придумаю... Значит, к тысяча первому исполнению песни «Кто виноват» я тысячу и один раз изменился. И пою как в первый раз. Я слышу по-другому, я звучу по-другому. Такой театрик маленький. Да и как вокалисту мне достаточно интересно, потому что песни, записанные 20 лет назад, сочинялись с некоторым безрассудством в отношении высоких нот... По молодости это было здорово, само собой получалось. А теперь такие вещи нужно делать осознанно, знать технику. Появляется чисто спортивный азарт – я должен справиться. Однако все же холодно и спокойно играть то, что выучил, или выдавать, бацать. Здесь тоже нужно иметь воспитанное чувство меры. Начиная с какого-то уровня опытности гитаристы перестают рвать струны и при этом играют с любой яростью. Ярость под контролем, и ее можно имитировать – для того чтобы не сломать себе спину.

– А имитация честности и искренности – это нормально?

– Опять-таки нужно меру соблюдать. Мне товарищ рассказывал, как он ходил подряд на два концерта Slade. В первый раз он поразился всем этим замечательным фехтовальным выпадам, а второй раз удивился, насколько это, оказывается, за-

ученно и из концерта в концерт повторяется.

Сумасшедшая старушка Мик Джаггер

– Смеяться над собой вы умеете. А когда другие смеются – болезненно воспринимаете?

– Это смотря как и над чем. Поэтому надо реагировать соответственно. Кто-то недавно высказался, что Мик Джаггер, который любит молодиться, очень на сумасшедшую старушку похож, особенно когда наштукатуренный. Но, я думаю, Джаггер знает, что он смешной. Он всю жизнь кривляется, у него хорошо выходит, и он, видимо, удовольствие от этого получает.

Элтон Джон тоже знает, что он смешной. Тем не менее у этого «клоуна» много вполне классной, высокой лирики, и она воспринимается без всякой ухмылки. А Гарик Сукачев – смешной, нет? Иногда страшно... Меня несколько лет назад как-то пригласили на его концерт – выступить. Гарик на белом коне, с камерным оркестром, со своими дудками, с гостями. К моему выходу они уже часа два колбасили. И Гарик – такой боксер-профессионал, дыхание у него абсолютно бесконечное. Глаза навывкате. Я у Сережки Галанина спрашиваю: «Как он это выдерживает?» Сережка говорит: «Не знаю, я уже еле на ногах стою, а он, по-моему, еще не разошелся даже». Во боец!

Мотоцикл – рабочий инструмент музыканта